

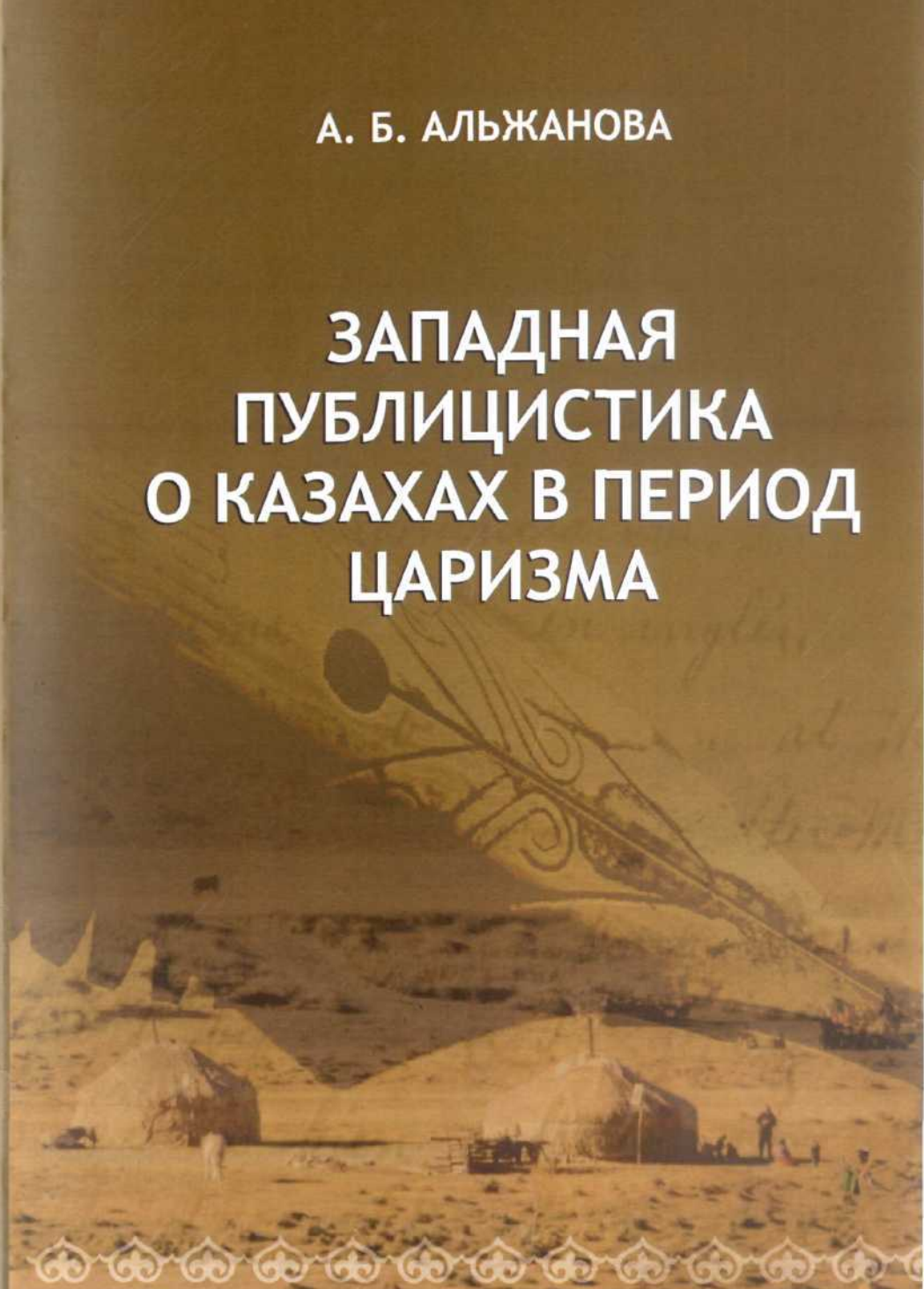
А. Б. АЛЖАНОВА

ЗАПАДНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
О КАЗАХАХ В ПЕРИОД
ЦАРИЗМА



КАЗАХ УНИВЕРСИТЕТИ
БАСПАСЫ

А. Б. АЛЖАНОВА • ЗАПАДНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О КАЗАХАХ В ПЕРИОД ЦАРИЗМА



*Рекомендовано к изданию Учёным советом факультета
журналистики и РИСО
КазНУ им. аль-Фараби*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С.К. Козыбаев*
доктор филологических наук, профессор *Б. Жакып*
кандидат филологических наук, доцент *А.А. Молдабеков*

Альжанова А. Б.

А 36 Западная публицистика о казахах в период царизма. – Алматы:
Қазақ университеті, 2011. – 122 с.

ISBN 9965-29-764-9

Монография посвящена исследованию казахской тематики в творчестве западных публицистов второй половины XIX века. В работе проводится анализ особенностей публицистики изучаемого периода, исследуется содержание выступлений о Казахстане в зарубежной печати.

Монография предназначена для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, интересующихся особенностями публицистики XIX века.

ББК 66.3 (2К)+75

ISBN 9965-29-764-9

© Альжанова А.Б., 2011
© КазНУ имени аль-Фараби, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	5
1.1. Зарождение и развитие национальной публицистики в контексте влияния русской прессы	5
1.2. Казахская тематика в русских периодических изданиях конца XIX века	13
2. ЗАПАДНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О КАЗАХАХ В ПЕРИОД ЦАРИЗМА	42
2.1. Специфика освещения казахской тематики на страницах западной прессы	42
2.2. Тема англо-русского соперничества в западноевропейской литературе	73
2.3. Роль СМИ в процессе изучения Казахстана за рубежом	81
3. КАЗАХСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В РАБОТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ	90
3.1. Роль политических ссыльных в развитии печатной прессы в Казахстане	90
3.2. Публицистика польских ссыльных	101
3.3. Казахстан глазами американского журналиста-публициста Джорджа Кеннана	111
ЛИТЕРАТУРА	129

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена исследованию казахской тематики в творчестве западных публицистов второй половины XIX века. В работе проводится анализ особенностей публицистики изучаемого периода, исследуется содержание выступлений о Казахстане в зарубежной печати.

Казахстан в период второй половины XIX века характеризуется существенным изменением социально-экономической ситуации, что естественным образом отразилось на характере национальной казахской культуры и литературы. Присоединение Казахстана к России коренным образом изменило исторические судьбы казахского народа, открыло новые пути для его последующего развития. Как следствие одной из постоянных тем в зарубежной печати стала жизнь казахов, проблемы взаимоотношений колонии и метрополии.

В русских периодических изданиях возникает дискуссионное обсуждение вопросов, связанных с казахской действительностью. Значительно расширился круг авторов, выступавших на казахские темы. Этому содействовал и общий количественный рост русской прессы, особенно на местах.

Все отмеченные обстоятельства в определенной степени способствовали развитию национальной публицистики. Следует указать, что художественные произведения исследуемого периода характеризовались публицистическим пафосом, в свою очередь публицистика частично синтезировалась с чисто литературными жанрами, в частности, с поэзией. В художественном и публицистическом жанрах эффективно использовались общие национальные традиции казахской устно-поэтической культуры.

Анализ публицистических выступлений показал, что пресса выступала средством идейного выражения интересов казахского народа. Публицистика в конце XIX века приобрела функции своеобразного инструмента формирования общественного мнения и фактора влияния на развитие социально-политической, культурной ситуации в Казахстане. Публицисты активнее воздействовали на исторический процесс развития казахской общественной жизни, разоблачая колонизаторскую политику царизма.

В середине XIX века разработка казахской тематики в русской и западной публицистике и журналистике приобретает следующую характеристику: все, связанное с жизнью, с настоящим и будущим казахского народа, освещается, рассматривается, оценивается с точки зрения задач социально-экономического развития России. Безусловно, не у всех публицистов и журналистов эта точка зрения проводилась с одинаково осознанной последовательностью, встречались и принципиально иные выступления в печати, но в целом такая традиция укоренялась.

1. ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1.1. Зарождение и развитие национальной публицистики в контексте влияния русской прессы

Зарождение ядра казахской журналистики пришлось на вторую половину XIX века. Стоявшие у ее истоков просветители пытались заложить в ней лучшие качества: свободомыслие, национальное своеобразие, стремление к многообразию точек зрения.

В настоящее время существуют все необходимые предпосылки для развития полноценной и всесторонней национальной журналистики. Но для этого необходимо творчески переосмыслить опыт предшественников, адаптировать сформированные столетиями назад идеалы к современности, осмыслить богатство их разностороннего творчества, чтобы идти дальше.

Изучение истории Казахстана по материалам публицистов второй половины XIX века связано с процессом всероссийского исторического развития, поскольку зарождение казахской демократической публицистики многими существенными сторонами теснейшим образом связано с расширением и углублением русско-казахских общественно-литературных отношений.

В период зарождения публицистики утверждалось и национальное ее своеобразие. Использовались различные виды и жанры литературы, стремясь к обогащению ее национальной специфики.

В таких социальных условиях большое значение приобретали призывы русских революционных демократов к развитию национальной периодической печати как необходимой базы для становления казахской публицистики. В конкретно-исторических условиях того времени публицистика оказывалась наиболее сильным и доступным средством общественно-политической деятельности, наиболее массовой и эффективной формой борьбы за демократическое переустройство жизни.

Жизнь казахского народа, полная острых классовых противоречий и усиливающейся ломки прежних социально-бытовых устоев, выдвигала и властно требовала незамедлительного обсуждения и посильного разрешения ряда больших актуальных проблем. Эти социальные потребности и предназначена была удовлетворять новая казахская литература, и в первую очередь – ее наиболее оперативный жанр – публицистика.

Публицистика использовалась как важное и эффективное оружие в отстаивании общенародных интересов, прав и стремлений казахского кочевого населения, как средство критической оценки окружающей действительности с демократической точки зрения.

В публицистике поднимались такие наиболее острые проблемы и вопросы, как приобщение к русской культуре, противодействие колонизаторской политике царского самодержавия, переход казахов-кочевников к земледелию и оседлости, развитие народного просвещения, создание своей национальной интеллигенции,

отношение к административно-реформаторским мероприятиям царского правительства, раскрепощение женщины-казашки.

В то время, когда под влиянием русской культуры созрели необходимые предпосылки для создания новой казахской письменной литературы, публицистика, без всякого преувеличения, приобрела первостепенное значение. Использование ее как своеобразного вида общественно-литературной деятельности позволяло ставить, обсуждать и решать самые наболевшие вопросы, организовать народные силы на борьбу за осуществление важнейших задач развития казахского народа.

В 50-60-х годах XIX века в Казахстане преобладало небольшое количество газет и журналов, и это неизбежно приводило к необходимости использовать жанр писем для выражения своих мыслей. В письме можно было вести душевный разговор о самом наболевшем, рассчитанный не только на прямого адресата, но и на широкий круг. Первоначальную форму казахской письменной публицистики представляли выступления Чокана Валиханова и Ибрая Алтынсарина. Письма были публицистичны по содержанию, стилю и по своей общественной функции. На первых порах свою общественную переписку Валиханов и Алтынсарин вели преимущественно по-русски. Лишь в 70-80-е годы публицистические выступления, в том числе и переписка на казахском языке, стали распространенным явлением.

Особенность публицистики Алтынсарина проявляется в выборе темы для выступлений и ее разработке. Большинство статей, вышедших из под его пера, являют собой нравственно-педагогическую оценку актуальной действительности.

Публицистика Алтынсарина отличается глубокой простотой, четким пониманием вещей, образностью мыслей и стройностью языка. Его произведения можно отнести к истокам нравственно-педагогической публицистики Казахстана. Несмотря на то, что большинство написанного было на русском языке, он фактически является зачинателем казахского литературного языка. Ибрай понял, что уникальность любого языка состоит в его неповторимости, формировании собственной стройной системы. Оценив мощь и силу печатного слова, будучи инспектором школ Тургайской области, он ходатайствует перед всеми инстанциями об издании казахских газет.

Журналистика, несмотря на постоянные трансформации, не перестала быть хранителем духовных ценностей, принадлежащих народу, мировой общности, причем — как в устной, так и в письменной ипостасях. Именно эпистолярное наследие Ибрая являет собой уникальное сочетание квинтэссенции многовековой мудрости и педагогики Степи и зачатки печатной публицистики, плоды которых столь востребованы на настоящем этапе. Событие, не зафиксированное в слове, могло навсегда исчезнуть из исторической памяти, в то время как устное народное творчество донесло до нас отголоски величайших событий и деяний предков.

В первую очередь именно эпистолярное наследие Ибрая Алтынсарина представляет особый интерес для исследований в области современной казахстанской журналистики. Фактически творчество великого просветителя представляет собой совокупность произведений, чье изначальное узкое направление переросло в масштабные обобщения и в совокупности, получило форму общественной пуб-

лицистики. Именно из эпистолярного наследия как журналистика, так литература и публицистика восприняли много творческих особенностей и форм, узаконив их в письменной речи. Ибрай Алтынсарин с удивительным мастерством придавал публицистическую окраску своей «Киргизской хрестоматии», этнографическим публикациям [1, с. 73].

«Киргизскую хрестоматию» по праву можно считать одним из праисточников казахской публицистики, поскольку именно в ней разработаны такие актуальные темы конца позапрошлого века как классовые различия в обществе, вопросы кочевничества и оседлости, пропаганда просвещенности и гуманизма. Таким образом, мы видим здесь четко определенные ориентиры для современников, пути развития, интеграции и возрождения казахского общества. Его публицистика — образец на многие столетия для развития отечественной журналистики.

Чокан Валиханов помимо писем включал публицистические рассуждения в научно-географические статьи, путевые очерковые описания, в официальные докладные записки.

Стремление к работе профессионального журналиста наиболее сильно обнаруживаются у Валиханова в начале 60-х гг. XIX века, после возвращения из Петербургской поездки и обострения отношений с местной знатью. Он также интересовался возможностью сотрудничества в журнале «Отечественные записки», которому он предлагал для опубликования свои фольклористические и этнографические материалы.

Сила и новаторство публицистических произведений Валиханова заключаются в том, что он впервые в истории казахского народа подошел к освещению действительности с точки зрения общенациональных интересов.

Анализ большей части произведений Валиханова свидетельствует о его большом кругозоре. Его мышление не ограничивалось узкими рамками, а охватывало и осмысливало факты в больших всемирно-исторических масштабах. Называя Чокана одним из основоположников казахской демократической публицистики, необходимо отметить великолепное использование русского языка, к которому он обращался в связи с неразвитостью в тот период казахской письменности [2, с. 24].

Первым в Казахстане Валиханов обратился к жанру очерка. Обращение именно к этому жанру диктовалось публицистическими интересами и стремлениями Валиханова. Именно публицистика Чокана Валиханова, предстающая перед нами тематически разнообразной, целеустремленной и стилистически выверенной, дала качественный толчок в развитии как национального самосознания, так и собственной публицистики. Валихановская публицистика утвердила традиции, проложенные другими видными публицистами, учеными и просветителями, дала толчок к зарождению, развитию и углублению нашей публицистики.

Объединение, пробуждение глубоких общественных и затем государственных интересов, развитие просвещения и культуры, теснейшее единение с русским народом, преодоление патриархальной косности, — вот как рисовался казахским просветителям путь спасения и возрождения казахского народа.

Молодая национальная публицистика опиралась на традиции своеобразной публицистичности устно-поэтического народного творчества и вбирала в себя

богатеиший опыт передовой русской литературы. Она отвечала самым насущным народным потребностям. С зарождением и становлением национальной публицистики создается и казахская периодическая печать, которая вызывала радостные отклики аульных читателей. Приветствовали в аулах и возникновение местных русских газет, так как в них постоянно освещались казахские темы. Так разработка казахской тематики русскими авторами раскрылась в своей социальной действительности.

Еще более тесный и постоянный контакт устанавливался между русскими и казахскими авторами местных периодических изданий. Русские журналисты и литераторы, хорошо знакомые с жизнью казахского народа, с развитием его общественной мысли, внимательно следили за всем новым в степи и поддерживали его в борьбе с реакционными тенденциями.

Поближе познакомить широкие круги читателей России с казахской степью, содействовать взаимопониманию и постепенному сближению народов, по возможности противодействовать царской политике – такие основные задачи выдвигала демократическая русская публицистика и журналистика.

Литература на казахскую тематику в жанровом отношении была весьма разнообразна: романы, повести, рассказы и очерки. Особенно распространены были очерки, в которых удачно сочетались приемы беллетристики и публицистики.

Казахские темы сравнительно разносторонне освещались на страницах знаменитого «Современника», «Отечественных записок», сатирической «Искры». В конце пятидесятых годов «Современник» решительно отстаивал право всех народов и самого русского народа на просвещение, немыслимого без его первоначальной ступени – элементарной грамотности. Опираясь на авторитет «Современника», казахские просветители и развертывали самоотверженную борьбу за эту первую потребность населения родной степи.

В 1864 году в «Современнике» был опубликован очерк К. Губарева «Киргизская степь» [3, с. 361-378]. Свой очерк русский ученый посвятил Ч.Ч. Валиханову.

Очеркист сочувственно описывал каторжный труд казахских рабочих на соляных промыслах, отмечал классовые противоречия в кочевых аулах и, в частности, верно отмечал существенное отличие казахов в отношении к религии ислама от других азиатских народов.

Очерк Губарева является плодом знакомства автора с жизнью и положением казахов в окрестностях Омска, Корякова, Баян-Аула, Каркаралинска и других регионов Казахстана.

Ценность произведения К. Губарева заключается не только в описании природы различных уголков Казахстана, что, кстати, и до него делали многие русские исследователи, а определяется той объективной характеристикой тяжелого положения казахских трудящихся на соляных промыслах и медных рудниках, которое до него не являлось предметом изучения и публикации в русской печати.

На К. Губарева тяжелое впечатление произвело положение казахов на соляных промыслах вблизи Корякова. В знойный полдень, когда солнечные лучи, отражаясь от зеркально-блестящей поверхности соляного озера, ослепляли глаза и

беспошадно жгли все тело, казахские рабочие ценою невероятных мучений добывали соль, за которую получали буквально гроши... Автор указывает, что «кишащие как в муравейнике» казахи выламывают ломом соль и затем выбрасывают лопатами на поверхность. При этом многие рабочие трудились «совершенно голые» или «в одних сорочках». И неудивительно, что у «многих на теле красные пятна», разъеденные солью язвы, «кожа сморщена и покрыта как бы слоем соли, лица напряженные», и все работающие показались автору «седыми...» [3, с. 362].

Не только сами казахи, занятые на изнурительной работе по добыче соли, но даже их лошаденки «тощие, почти без шерсти, с облезшей от соляной воды...» и верблюды тоже наполовину лысые, с шершавыми клочками шерсти на груди» носили на себе печать крайней нищеты и тяжелого труда. Вся эта тяжелая атмосфера подневольного труда создавала впечатление «дикой гармонии», которая «оглушала» и отталкивала стороннего наблюдателя... [3, с. 368].

Не менее тяжелые условия для рабочих были созданы и на медеплавильном заводе и свинцово-цинковых рудниках капиталиста Попова. Ознакомившись с заводом и рудниками, автор убедился, что условия труда везде одинаково тяжелы для рабочих; эти предприятия были оборудованы крайне примитивно, да и сами руководители не имели почти никаких технических навыков по разработке руд и плавке меди. Тем не менее, администрация жестоко эксплуатировала рабочих, особенно казахов, с «которыми большей частью обращались не совсем добросовестно» [3, с. 372].

Остановившись на административном устройстве в казахской степи, К. Губарев критически оценивает деятельность правителей-султанов, которые, борясь за власть в роде и за чины от русской администрации, вовлекают в постоянные междоусобицы простой народ.

Казахская аристократическая верхушка по-своему воспринимала некоторые стороны русской культуры, подражая зачастую светским манерам русских дворян. Так, один из султанов в Баян-Аульском округе любил носить офицерский мундир, французские перчатки и даже танцевал на званых обедах. При этом, стремясь подчеркнуть важность своей особы, султан, как правило, приходил с опозданием на вечера и объяснял это тем, что «порядочные люди» не «показываются раньше»...

Касаясь взаимоотношений между коренными жителями и переселенцами-казаками, К. Губарев удивляется, что представители казачьей верхушки материально благоденствуют, хотя «хозяйством не обзаводятся» и «как птицы небесные не сеют, не жнут, но бывают сыты». Царские чиновники и казачья верхушка действительно были «сыты» за счет угнетения казахского населения, постоянных насилий над народом, за счет грабительских поборов. Однако автор не увидел классовой сущности во взаимоотношениях между царской администрацией и трудящимися казаками, а попытался объяснить их отсутствием... достаточной культуры, образования у царских чиновников и представителей казачьей верхушки.

Таким образом, автор выступает как поборник гуманизма и просвещения, как сторонник дружбы между казахским и русским народами. И, несмотря на

известную ограниченность своего мировоззрения, К. Губарев сумел дать важные факты, объективно свидетельствующие о глубоких классовых противоречиях в казахской степи.

Как и во многих других работах того времени, очерк К. Губарева посвящен разнообразным сторонам жизни казахов. В нем наряду с приведенными данными указаны и сведения, характеризующие быт, обычаи и нравы кочевников. В частности, в подтверждение факта растущей дружбы между казахами и русскими автор приводит следующее свое наблюдение. В одном из аулов Прииртышья состоялся праздник (той) по поводу свадьбы молодых. На этот той был приглашен русский – друг хозяина, который прекрасно знал язык, а также обычаи казахов и блестяще провел обряд обручения (неке киу) молодых.

На подобных фактах, умело подмеченных автором, показана характерная линия сближения простых людей двух народов: русского и казахского.

К. Губарев отметил, что ислам прививается среди казахов весьма слабо и у казахского населения «муллы и ахуны не имеют... той святости и непогрешимости, какие приписываются этим лицам».

Взгляды К. Губарева на положение в казахской степи во многом переключаются со взглядами Ч.Ч. Валиханова. К. Губарев отмечает, что казахи «очень охотно учатся грамоте и вовсе не имеют предубеждения против нея». И далее: «Вообще киргизы, (казахи) очень доступны к цивилизации, потому что они не такие фанатики, как прочие мусульмане» [3, с. 363].

К. Губарев критикует «местное начальство 50-х годов», которое постоянно «стесняло и вмешивалось в самоуправление» казахов, «навязывало своих кандидатов, которые смотрели на своих собратьев, как на крепостных» [3, с. 361-378]. Назначенные царской администрацией местные марионеточные правители соперничали в поборах с заседателями областных управлений.

Демократическая публицистика и журналистика отнюдь не являясь идейно монолитной и во всем последовательной, установила определенный взгляд на действительное положение казахского народа. Они во многом затрудняли систематически повторявшиеся попытки реакционной печати представить царскую колонизацию, насильственную русификацию как сплошное благо, исказить картину жизни на окраинах страны, разжечь межнациональную рознь и пропагандировать великодержавный шовинизм. В то время, когда официальные органы пользовались всяческой поддержкой эксплуататорских классов и представляющей их интересы государственной власти, публицистам демократической ориентации работать было куда труднее. Поэтому роль их не может быть преувеличена и тем более принижена.

Наблюдались интересные факты, когда даже публицисты противоположного лагеря вынуждены были рассказывать и некоторую частицу правды, хотя в главном оставались на своих классовых позициях. В 1891 году на страницах журнала «Русский вестник» с пространной статьей «Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем» выступил Ю. Южаков. Позиция публициста, тесно связанного с царскими колонизаторскими кругами Туркестана, характеризовалась стремлением доказать государственную мудрость первых военных губернаторов только что присоединенного края.

С точки зрения буржуазно-колониаторской публицистики автор в отдельных критических замечаниях по вопросам управления и переустройства жизни национального населения добивался лишь осуществления частных преобразований с целью укрепления царской власти на восточных окраинах. Но Ю. Южаков непосредственно наблюдал практику колонизации, процесс общения русских людей с узбеками и казахами, изучал факты реальной жизни, что и позволило ему выступать не оголтелым поборником самодержавно-колониаторской политики, а либерально-буржуазным культуртрегером. В результате статья наполнилась фактическим содержанием, позволяющим помимо авторской тенденциозности объективно представить некоторые стороны положения казахского народа.

Довольно точно характеризуется Ю. Южаковым тяжелое положение казахов Южного Казахстана и бывшей Сыр-Дарьинской области. Среди кочевого населения неограниченно «царствовал родовой патриархальный быт». Внешне независимый аул управлялся аксакалами, главой семьи, и фактически находился в полной материальной зависимости от него. Патриархальные устои прикрывали резкое классовое расслоение, о котором не говорил Ю. Южаков, но очевидность которого явствует из всего изложения. И обычное право, адат, и сношения с кокандскими властями, и взимание податей, – все, в конечном счете, использовалось в интересах богатых аксакалов и родоправителей. Спорные вопросы выносились на суд биев, но их решения часто не выполнялись. Возникла родовая месть, барымта, разорявшая аульную бедноту.

Публицистическая тенденциозность Ю. Южакова, не склонного вскрывать темные стороны царской колонизации, особенно ясно обнаруживается в панегирическом восхвалении цивилизующего влияния русской буржуазии на социально-экономическое развитие народов Центральной Азии, прежде всего, казахского и узбекского народов.

Ю. Южаков в либеральном духе подвергал критике принцип соединения военной и гражданской власти в одних руках, что, по его мнению, оправдывалось в первые годы управления Туркестанским краем, но не отвечало задачам последующих лет, и подвергал критике проект положения 1868 года об управлении степными областями. Введение самоуправления «через своих выборных по всем делам, не имеющим политического характера» вызвало коренную ломку национальной жизни и фактически отстранило народные массы от участия в нем. «...Вместо ожидаемого цивилизующего влияния на общественный быт, – писал он, – вместо правильного развития общественной жизни, выборы в настоящем их виде внесли в их жизнь лишь порчу нравов, разврат и разорение» [4, с. 584-600].

Опасаясь пробуждения народной активности, царская администрация допускала для участия в выборах только привилегированную часть населения казахских аулов и узбекских кишлаков. Возникла борьба за выборные должности, сопровождавшаяся подкупами, интригами, взаимными клеветническими доносами, а нередко и ожесточенными драками.

Когда дело доходило до конструктивных выводов и предложений, либерализм и некоторый объективизм наблюдений Ю. Южакова оборачивались самой настоящей монархической благонамеренностью. В противовес принципу царских колонизаторов – «разделяй и властвуй», казахские просветители убеждали народ в необходимости сплочения для отпора всем, кто жил за его счет. Поэтому на вопрос, как же избавить казахов от раздоров, взяток, поборов, притеснений, связанных с выборами волостных, либеральный буржуазный публицист и подлинный выразители народных интересов давали принципиально противоположные ответы [5, с. 84].

Ю. Южаков выступал защитником отживающего родового жизнеустройства. Ему представлялось, что до основания разрушенной выборной системой родовой строй можно совместить с новыми государственными началами, «несколько согласовать выборы с родовым бытом, примирить эти два, хотя в существе своем противоположные, начала» [4, с. 750-776].

Основной смысл рассуждений и предложений Ю. Южакова, в конечном счете, сводился к доказательству необходимости усиления русификаторской политики, чтобы разбить замкнутость мусульманского Востока и активизировать развитие буржуазных отношений.

Приведенные два примера – публицистика К. Губарева и Ю. Южакова явно противоположные друг другу. Если первый критиковал царскую политику в казахской степи, то второй наоборот поощрял всякие усиленные действия царской России. Он считал полезным оставить казахский народ в положении пассивного и покорного объекта самодержавно-колониаторских притязаний, использовать *родовые начала для укрепления царской власти на местах. Публицистическая позиция Ю. Южакова вообще характерна для буржуазной колониаторской идеологии.*

Но какими ни были их мотивы, ясно одно – казахская тематика в русской публицистике поднималась, развивалась.

Казахская публицистика запечатлевала движение современности и одновременно служила оружием политической борьбы за интересы народа, за идеалы русско-казахского содружества.

Первые казахские публицисты находили главные ориентиры в своей борьбе за разрешение первостепенных задач национального прогресса. В процессе формирования казахской демократической публицистики возникали идейные искания, рождались творческие силы, оплодотворенные тесным русско-казахским содружеством на новом историческом этапе.

Появление и развитие казахской демократической публицистики можно расценивать как одно из действенных средств, способствовавших процессу начавшегося формирования казахской буржуазной нации. Прогрессивная публицистика стремилась ставить и решать актуальные вопросы, связанные с общенародными интересами. Но вместе с тем казахская публицистика на начальном этапе далеко не всегда оценивалась по достоинству.

1.2. Казахская тематика в русских периодических изданиях конца XIX века

Значительная роль в упрочении русско-казахских литературных связей принадлежит и периодической печати России.

На страницах журналов и газет публиковались материалы о русско-казахских общественно-экономических и социально-культурных взаимосвязях. Им посвящались небольшие очерки и толстые повести на страницах «Современника» и «Отечественных записок».

Положительным явлением стало зарождение местной печати в Средней Азии и Казахстане. В газетах, сборниках, альманахах Туркестанской, Оренбургской, Западно-Сибирской генерал-губернаторств, выходящих в Ташкенте, Оренбурге, Омске часто публиковались материалы, посвященные жизни казахских степей.

Так, казахская тематика не сходила со страниц «Ежегодника туркестанского края», «Туркестанских ведомостей», «Русского Туркестана», «Окраины» (последняя выходила в Самарканде 1890-1895), «Оренбургских губернских ведомостей», «Оренбургских епархиальных ведомостей», «Оренбургского листка» и так далее.

В разных областях Казахстана начинают выходить на русском и казахском языках «Киргизская степная газета», «Акмолинские областные ведомости», «Семипалатинские областные ведомости», «Степной край» и другие.

В 50-60 гг. XIX века русско-казахские общественно-экономические и социально-культурные взаимоотношения находят отклик, широкое отображение на страницах «Современника» и «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» и «Газеты для сельских хозяев», а также научные и научно-популярные статьи в журналах Российского географического общества (РГО) – «Записки РГО», «Известия РГО» и «Вестник РГО», в изданиях военного ведомства – «Военный сборник» и другие.

Политическая позиция этих журналов характеризуется крайней разнозначностью: на одном полюсе революционные демократы – «Современник» и «Отечественные записки», а на противоположном – газета Ф. Булгарина и Н. Греча «Северная пчела».

В 60-х годах на страницах «Современника» появляется ряд весьма ценных материалов о положении русских и казахских рабочих на рудниках и заводах Сибири и Казахстана.

На страницах научных журналов РГО в 60-х годах публикуются материалы, посвященные развитию отдельных городов Казахстана. Так, в 1861 году в «Записках РГО» появилась статья Н. Абрамова «Областной город Семипалатинск». Исполняя обязанности советника при областном управлении, Н. Абрамов прекрасно знал социально-экономическое положение различных слоев населения Семипалатинска.

В периодических изданиях Русского географического общества («Вестник РГО», «Записки РГО» и «Известия РГО») в 60-х годах XIX века печатается множество научных статей, популярных очерков, художественных заметок, пос-

вяшенных Казахстану и казахскому народу. Так, в 1861 году в «Записках РГО» был помещен очерк А. Голубева «Отрывок из путешествия в Среднюю Азию, Заилийский край» [6, с. 77-130].

Свое путешествие по Заилийскому краю А. Голубев начал в 1859 году, когда он прибыл в крепость Верный. Путешественник отметил, что «Верное еще называется Алматы. Это киргизское слово Алма-Тау – яблочные горы». А. Голубев описал местность, состояние торговли и хозяйства коренных жителей края. В частности, он указал, что главным «промыслом» жителей является земледелие, к которому «поощряют плодородные почвы».

Растущее взаимопонимание между казахами и русскими нашло свое выражение даже и в тех незаметных, но весьма знаменательных явлениях, как большое желание кочевников сопровождать русские экспедиции по казахской степи в качестве проводников. При этом, как отмечает А. Голубев, некоторые казахи не только с великой охотой принимали обязанности провожатых экспедиций, но и хвастались тем, что русские отдают им «преимущество перед другими». Проводник-казак придавал своей обязанности при экспедиции (или отряде) «особенную важность, даже в собственных глазах», и он был рад сообщить всякому, что «вот и он имеет» казенную службу.

Обычно проводники экспедиций могли надеяться и на определенное вознаграждение после окончания работ. При этом, как пишет А. Голубев, «почтенные киргизы» могли рассчитывать на получение не только чинов, но и халата, сабли, похвального листа за оказанное содействие экспедиции. И лица, отмеченные русской экспедицией, пользовались среди населения «большим почетом» и кое-кто из них чуть ли не «баринном выезжал в аул...» [6, с. 84].

А. Голубев довольно близко ознакомился с жизнью коренного населения. В частности, исследователь уделил известное внимание семейно-правовому положению казахской женщины.

В шестидесятые годы как никогда зримо обнаруживается влияние революционно-демократического подхода к решению национального вопроса, в частности, к разработке казахской тематики. В этом убеждают публицистические статьи и очерки на страницах периодических изданий, далеких от направления «Современника». Они представляют познавательный интерес для современных читателей тем, что эти статьи и очерки запечатлевали новые явления в казахской действительности, не допускали экзотической романтизации и в разной степени противодействовали всяческому нелепым предубеждениям в отношении к населению далеких окраин России.

В «Вестнике РГО» за 1865 год (№8) появилась статья Салтыкова-Щедрина за подписью С-въ «Этнографические заметки о Зачуйском крае».

В ней автор основное внимание уделил процессу завершения присоединения Казахстана к России. Казахи Большого жуза, писал он, проживающие к северу Ташкента, являясь представителями наиболее беднейших казахских родов. В течение многих лет они подвергаются жестокому гнету и ограблению со стороны феодальной верхушки Коканда. Эти роды неоднократно поднимали восстания против кокандцев, и они с большой охотой вступают в русское подданство. К югу от Ташкента расположены богатые казахские роды, которые

хотят сохранить свою самостоятельность и потому возражают против присоединения к России.

Действительно, в присоединении Казахстана к России прежде всего были заинтересованы наиболее беднейшие слои казахского народа, положение которых резко ухудшалось с каждым годом от беспрестанных феодально-родовых междоусобиц и гнета иноземных завоевателей.

Д.И. Романовский в 1866 году в «Известиях РГО» опубликовал очерки «О географических исследованиях в киргизской степи и в Туркестанской области в 1865 году и несколько слов о торговом значении Ташкента» [7, с. 9-23]. Автор увидел то новое, что возникло в жизни народов Средней Азии, в частности казахов, живших в окрестностях Ташкента, часть бывших кочевников стала переходить к оседлости и заниматься хлопководством, садоводством. Во всем этом автор предугадал будущее кочевого народа. Он справедливо замечает, что оседлость народа «в настоящее время еще весьма ограничена», что связано «не... природными наклонностями и привычками», как пишет Д.И. Романовский, а с социально-экономическими недостатками, задерживающими «развитие их благосостояния». Здесь автор, несмотря на то, что был представителем колониальной администрации, сумел правдиво показать положение казахского народа.

Д.И. Романовский был одним из близких знакомых первого казахского ученого Ч.Ч. Валиханова. В 60-е годы он исполнял обязанности редактора «Русского инвалида» – органа военного министерства.

В 1862 году в Санкт-Петербурге было опубликовано сочинение П.П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» [8, с. 350-362]. В этой работе автор использовал некоторые рукописные материалы («извлечения») Д.Г. Мессершмидта, исследователя разных провинций, в том числе и казахской части России.

В рукописях Д.Г. Мессершмидта (1685-1735 гг.), хранящихся в архиве Академии наук РФ, содержатся материалы по географии, этнографии, истории и праву народов Сибири, в том числе и казахского народа. Среди материалов имеются рисунки автора и карты Прикаспийского края, района Прииртышья, Туркестана, Бухары и др.

Весьма ценные данные о бедственном положении рабочих на рудниках и приисках Казахстана в 50-60-е годы приведены в «Заметках о беглых и бродягах России и Сибири», опубликованных в 1863 году в «Современнике» [9, с. 85-120]. Автор за подписью X. (X. – псевдоним Михаила Ларионовича Михайлова, поэта-переводчика, революционного демократа. Сын горного чиновника и киргизской княжны Ураковой (1826-1865 гг.). Первые произведения М.Л. Михайлова печатались в «Иллюстрации» в 1845 году. С 1852 года жил в Санкт-Петербурге и сотрудничал в «Современнике» и «Отечественных записках») указывает, что наемные люди, преимущественно из ссыльных, на частных приисках бедствуют, испытывая постоянные «притеснения от хозяев-промышленников и управляющих». Рабочий день этих несчастных тянется с 3-х часов утра и до 11 часов ночи – и за это получают мизерную плату, которой едва хватает, чтобы одеться и

обуться, между тем все дорого, да и платье, и обувь скоро носятся на работах, потому, что кругом галька и камень....

В 1865 году вышла работа В. Долинского «Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве киргизской степи», в которой автор довольно подробно осветил взаимоотношения России со среднеазиатскими ханствами и вмешательство английских агентов в русско-среднеазиатские дела.

В книге В. Долинского отмечается, что занятие русскими войсками в 1864 году Туркестанской области «возбудило общественное мнение не только в России, но и во всей Европе». Автор подчеркивает, что каждый шаг России в Средней Азии вызывал не только подозрительность Англии, но находил отзвук и «на европейской внешней политике». Так, занятие в 1853 году Кокандской крепости Ак-Мечети (Кзыл-Орда) совпало с Крымской войной.

В. Долинский считает необходимым проведение в новом крае ряда мероприятий, расходы на которые «в несколько лет окупятся сторицею». По мнению автора, крайне необходимо «позаботиться о ближайшем и удобнейшем сообщении с центром государства», расставшись «навсегда» с Омском и Оренбургом.

Далее В. Долинский предлагает в тех местах, где будут проходить почтовые и торговые дороги, «предоставить в полную собственность» земельные участки «желающим там поселиться русским и киргизам, без различия». В связи с этим автор подчеркивает необходимость «устранить всякие стеснительные условия, в особенности в отношении киргизов (казахов), желающих обзавестись прочною оседлостью и сделаться земледельцем».

К переходу казахов на оседлость в более ранний период, по Долинскому, мешали действия казачьих войск Оренбургской и Сибирской укрепленных линий, отрезавших огромные «пространства земель... от киргиз», что «постоянно возбуждало нескончаемые споры...». Причиной «возмущений», казахов было желание («домогательство») «спокойно пользоваться землею». Если иногда «споры» и «возмущения» принимали «грубые» формы, то против них нужно было бороться, по автору, не оружием, а распространением образования.

В. Долинский считает недопустимыми «казачьи порядки», когда земля отводится «по занимаемой должности» различным чинам войска. Так, в долине Сыр-Дарьи, где хлеб не родится без орошения и где «трудолюбивый» казах «употребил огромные по его состоянию пожертвования и труды на возделывание участка, с проведением канав и устройством поливочных снарядов», – там эти обработанные участки переходят в собственность чинов казачьего войска.

К «разряду стеснительных» мер, препятствующих переходу казахов к оседлости и земледелию, В. Долинский относит также запрещение правительства «селиться в одних деревнях или аулах русским и инородцам». Это запрещение исходило из основной линии политики царизма – держать народы разобщенными, из политики культивирования вражды между народами России.

Вопросами укрепления русско-казахских взаимоотношений интересовались не только «солидные» столичные журналы и газеты, но и различные периодические издания многих провинций России.

В 1850 году на страницах «Саратовских губернских ведомостей» появляется очерк Алеопольдова «Отношение русских к киргизам».

В нем автор довольно подробно писал о роли и значении русско-казахских торговых сношений в укреплении дружбы между народами, в проникновении передовой русской культуры в повседневную жизнь и быт кочевников через торговлю и обмен.

Вопреки царской администрации складывались дружеские отношения между простыми людьми русских и казахских народов, чему в немалой мере способствовали торгово-экономические и культурно-бытовые связи между ними.

В 1851 году офицер генерального штаба А.И. Макшеев в Записках РГО опубликовал свое «Описание Аральского моря» [10, с. 30-61].

Характеризуя Аральское море, автор указывает, что казахи и соседние с ними племена (то есть народы) называют его Арал-Денгиз. Внимание А.И. Макшеева привлек остров Кос-Арал, где была расположена ватага рыболовов и устроен редут для обороны судов, плавающих по морю.

В 1856 году в «Морском сборнике» появилась статья А.И. Макшеева «Описание низовьев Сырдарьи» [11, с. 448-527].

В 1852 году в журнале «Библиотека для чтения» появились «Записки о киргизах» саратовского купца Я.П. Жаркова [12, с. 123-144]. Непосредственной причиной поездки его в «киргизскую степь» явилась болезнь жены, которая нуждалась в кумысолечении... Автор описал картину встречи с казахским аулом: из каждой юрты вился синий дымок; и взрослые («начальники с бритыми головами») и дети («полные ребята и девчонки с всклокоченными волосами нагие или едва прикрытые какими-нибудь лохмотьями») смотрели на прибывших русских с «изумлением».

Я.П. Жарков видел семью нищенствующего казаха («байгуши»). Эти бедняки зачастую попадали в кабальную зависимость не только от «своих» баев, но и казачьих кулаков. Уральские казаки, по автору, «лет полтора с лишком существуют только тем, что... во все возможные работы нанимают киргизов. Они и... косят, и... пашут, и двор стерегут, и за скотом ходят – всюду поспевают; а надо отдать справедливость, – подчеркивает автор, – киргиз здоров на работу».

В работе Я.П. Жаркова почти впервые в русской журналистике достаточно объективно показана одна из социальных прослоек казахского общества – байгуши.

В 1853 году в журнале «Москвитянин» были опубликованы два материала, имеющие отношение к казахам: работа священника А. Сутоцкого «Киргиз на поклонении святым местам русским и палестинским» и статья А. Терешенко «Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда».

Эти работы почти не содержат новых данных по сравнению с материалами предыдущих авторов. Однако они характеризуют всеобщий интерес в русском обществе к казахам, к казахской степи: этот интерес захватил в свой круговорот даже православного священника.

В «Очерках киргизов Оренбургского ведомства» Ф.И. Лазаревского приведены наблюдения автора над некоторыми сторонами жизни казахов. В частности, Ф.И. Лазаревский уделил известное внимание обряду оплакивания, погребения, поминок покойника у казахов и т.д.

В целом в «Очерках...» Ф.И. Лазаревского мало содержится оригинальных данных о жизни и быте казахского народа. Но сама публикация даже подобных посредственных очерков на страницах «Русского дневника», несомненно, свидетельствует о наличии общественно-читательского интереса к казахам, к их жизни и быту.

На протяжении весьма длительного времени казахстанскую тематику в самых разнообразных аспектах разрабатывали Н.Г. Потанин, Н.М. Ядринцев, В.В. Радлов, М.И. Венюков и др.

Знаменитый русский ученый-географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский в 1856-1857 гг. совершил путешествие в горы Тянь-Шаня. Впоследствии путешественник с искренней признательностью описал гостеприимство казахов, нравы и обычаи, историю и культуру казахского народа. П.П. Семенов-Тянь-Шанский был первым наставником Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина, которым горячо рекомендовал поступить в Петербургский университет. В 1868 году в книге «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них» появилась обширная работа М.И. Венюкова «Очерки Заилийского края Причуйской страны».

В своих очерках М.И. Венюков много внимания уделил социально-экономическому и политическому положению казахов. Русский путешественник побывал на месте окончательного разгрома Кенесары Касымова.

К началу 70-х годов XIX в. М.И. Венюков считается специалистом по вопросам Средней Азии и Казахстана. С 1871 по 1875 г. в официальном органе военного ведомства «Русский инвалид», где он вел хронику событий в Азии, им опубликовано более 200 статей, посвященных этому региону. В 1873 г., по сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей». В 1868 г. увидела свет его книга «Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них». Поэтому именно ему Генеральный штаб поручает описание русско-азиатской границы. Позднее в воспоминаниях он отметит: «Как только я был прикомандирован к Главному штабу для составления военного описания русско-азиатских окраин, так передо мной открылся длинный ряд фактов, которые невольно приводили к вопросу: имеет ли правительство ясное понятие о странах, которыми оно управляет» [13, с. 154].

С 1872 по 1876 г. он занят этой работой, результатом явился капитальный труд «Материалы для военного обозрения русских границ в Азии». Частично он был опубликован в пяти номерах «Военного сборника» за 1872-1873 гг., затем вышел отдельной книгой. Описание различных районов Средней Азии и Казахстана давалось по разделам: географическое положение, пути сообщения, экономика, характеристика населения, административное устройство.

Двадцать четыре года прожил М.И. Венюков в эмиграции. Но его не переставали волновать вопросы, связанные с Отечеством, в том числе с историей Средней Азии и Казахстана. Редакции ведущих русских периодических изданий охотно предоставляли страницы журналов и газет для статей общепризнанного авторитета в среднеазиатских делах.

М.И. Венюков много путешествует и одновременно ведет напряженную исследовательскую работу. Был написан четырехтомный труд «Исторические

очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора», запрещенный в России.

Представляя во введении свой труд «Исторические очерки России», М.И. Венюков отмежевывается как от лже-патриотов, считающих, что «грязное белье не следует стирать на виду у всех», так и от космополитов, отрекающихся от национальной точки зрения на те или иные события. Эта точка зрения характерна для всех его трудов как нелегальных, так и опубликованных.

М.И. Венюков стремился к максимально достоверному изложению фактов. В рукописном варианте «Исторических очерков России» имелось большое количество ссылок на источники.

В работе «Общий обзор расширения русских пределов в Азии и способов обороны их» М.И. Венюков предлагает свою периодизацию присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Начало этого процесса он относит к 20-м годам XVIII столетия [14, с. 198, 203].

Чтобы лучше понять точку зрения М.И. Венюкова, остановимся на взглядах, бывавших в русской публицистике во второй половине XIX века по вопросу вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России. Их можно разделить соответственно причинам: военно-стратегическим (установление стабильной границы на естественных рубежах – горы, реки и т.д.); политическим (борьба со среднеазиатскими ханствами, противовес влиянию Англии); экономическим (торговля и сырье).

М.И. Венюков был сторонником «военно-стратегических» доводов. Сделав первый шаг – приняв в подданство Средний и Младший жузы, самодержавие поставило себя перед дилеммой: пройти степь и выйти на естественные рубежи (горы, реки) или отступить к Иртышу и Уралу. Правительство пошло по первому пути, что привело к вхождению в состав России огромной территории Средней Азии и Казахстана. Процесс шел поэтапно, с помощью возведения на новых территориях военных линий. М.И. Венюков высказал соображение о «двух государственных границах». Суть в следующем. На окраине новых земель закладывались военные линии, а между тем на присоединенной ранее территории сохранялись старые порядки, т. е. «киргизы повиновались разным султанам, биям и батырам, которые не стеснялись производить всевозможные беспорядки и грабить наши караваны в степи...» [14, с. 219]. Несоответствие между «действительной и фиктивной» государственной границей, по мнению М.И. Венюкова, и толкало русское правительство на продвижение вперед. Он считал такие действия нецелесообразными.

Большой интерес представляют корреспонденции М.И. Венюкова, напечатанные в герценовском «Колоколе». Известны две его статьи из этого журнала. Возможно, их было больше. Михаил Иванович был постоянным корреспондентом «Колокола» и публиковал в нем письма о Сибири, Кавказе, Китае. Казахстанский автор Я.К. Духин заинтересовался этой вольной русской прессой в лице М.И. Венюкова и посвятил данной стороне его деятельности статью, в которой проанализировал и дал положительную оценку запискам «Из Сибири» [15, с. 219-220].